

В предшествующем своём письме в редакцию «Угличанина» я откликнулся на статью заозерских краеведов и касался темы старинных народных названий. Насколько мог, я изложил своё видение её вопросов. Но в заозерском материале внимание было уделено и другой родиноведческой теме – памятникам природы, а именно – редкостным деревьям-долгожителям. Тема по-своему весьма значительная и, к сожалению, не менее печальная, чем первая.

Феномен дерева уже сам по себе прекрасен. Когда-то очень проникновенно выразил это Ф.М. Достоевский. Он писал, что, видя растущее дерево, невозможно не чувствовать себя счастливо восхищённым этим природным дивом. И хотя Россия во многом является страной лесов, где деревья живут в великом множестве, всё равно нельзя не удивляться этому прекрасному воплощению творческой мощи природы.

Ещё более впечатляют деревья редкие, благородные и многолетние. Но именно их жизнь всегда более оказывается под угрозой. Таковые деревья чаще всего жили или в заповедных борах, или в помещичьих парках. И там они существовали долгие сотни лет, удивляя и восхищая многие поколения земляков. Но даже и в таких охраняемых местах деревья-уникумы далеко не всегда оказывались защищены от людской глупости и жадности.

Угличско-Мышкинское левобережье Волги было издревле краем высокой сельскохозяйственной освоенности территорий. И оно же было краем многочисленных помещичьих усадеб. Из этого следовало, что редкостные и весьма возрастные деревья здесь в основном сосредотачивались в дворянских усадебных парках.

А лесов на этой территории оставалось очень мало. И Мышкинский уезд, созданный здесь в XVIII веке, изначально и до XX столетия являлся самым безлесным во всей губернии.

Но если естественных лесных массивов здесь было совсем мало, то парковых площадей было достаточно много. Собственно, каждая дворянская усадьба (немалая часть которых позднее перешла к третьему сословию) обладала или порядочным или хотя бы малым парком. И благородные деревья-долгожители в них пребывали под надёжной охраной. А в немногочисленных лесах тоже сохранялся порядок. И помещики, и государство, и крестьяне общины следили за этим. Делянки для порубок выделялись со вниманием к сохранности леса, а после порубки в лесу следовало прибраться «под грабли», то есть убрать все отходы, вплоть до мелких сучочков.

В Угличском филиале Государственного архива Ярославской области можно встретить немало документов, говорящих о серьёзном ведении лесного хозяйства в имперское время. Попытки хищений случались и тогда, но с ними боролись всерьёз и строго пресекали. Например, подгородние боры возле Мышкина имели весьма серьёзную охрану, которую содержал город, и городская Дума поручала одному из своих гласных (депутатов) прямую ответственность за состояние боров. И документы, хранящиеся в угличском архиве, сохранили ряд упоминаний о том, что людей наказывали даже за самовольный сбор хвороста и валежника.

Город Мышкин так строго охранял свои заповедные боры, что все дрова для учреждений и населения закупали... в Мологском уезде! И плотами, и барками доставляли в Мышкин против бурного тогда волжского течения. Многочисленные предложения продать боровые участки на снос, как правило, отвергались. С возмущением! И этот лес сохранил вековые сосны, помнящие ещё суворовские времена. Город считал его своим очень дорогим достоянием.

Не менее любовно сохраняли свои парки помещики-дворяне. И ко времени революции в центральной и южной частях уезда (кроме Прилуцкой и Платуновской волостей, не

имевших помещичьей земли) сохранялось более двух десятков больших парков и невеликих, но ухоженных «барских садов».

Парки были весьма разнообразными. Так, в усадьбах реки Корожечны имелось несколько парков, в которых липовые насаждения преобладали. В ниловском Муранове парк был по преимуществу почему-то еловым. В апраксинской Мурановке парк имел большое преобладание дуба. В Нечаевской и Никольском (на Сутке) выделялись старые насаждения кедров, а в скрипицынском Богородском – аллеи серебристых тополей. Подобных примеров можно привести больше, но суть остаётся одна – в названных местностях парками исстари дорожили.

Заозерские краеведы задают вопрос: можно ли найденные ими гигантские вязы полагать потомками древних деревьев, когда-то царивших здесь ещё в средневековые времена? Очевидно, можно. Естественное самосеяние всегда происходило. И, например, многочисленные самосевные места произрастания дуба известны и в ныне угличском Потапове, и в ныне мышкинской Мурановке. Этот «молодняк» никто не сажал, этот «посев» заполнили сами здешние дубы-старики. Так что деревья-долгожители способны вести своё воспроизводство, вести свою собственную летопись тихо текущих времён.

Но эти возможности нынче сохраняются либо в местах совсем обезлюдивших, либо в особо дальней потаённости. Во всех остальных случаях деревьям-долгожителям было отказано и в собственной жизни, и в продолжении своего рода уже в XIX столетии. Новые хозяева прежних дворянских усадеб, а особенно крестьяне, принялись вырубать старые парки. Так в усадьбе Нечаевской самым первым делом определили вырубку кедровой части парка, а потом снесли и липы, и вязы, и тополя ...Прежний владелец усадьбы, дворянин Степанов, потрясённый этим варварством, пытался сохранить хоть что-то и, откапывая молодёжь редких деревьев, носил их к своему домику в городе. Пешком, за два десятка вёрст. Да разве такими горестными усилиями много спасёшь?

Но это было лишь началом. А тотальное уничтожение как ценных деревьев, так и всех парков грянуло в 1918 году. «Освобождённые» крестьяне взялись за это широко и массово. И беспощадно. В центральной и южной частях Мышкинского уезда (ныне это угличская территория) почему-то первыми снесли липовые парки. Документы местных и уездного Советов, говорящие об этом, тягостно читать, их краткая скупая речь способна устроить масштабами уничтожений.

С мест, из усадеб, отовсюду просили помощи и нередко просили оружие для сторожей, чтобы сохранить хоть что-то. Просили сторожам выдать хоть охотничьи ружья (повсеместно изъятые после первых возмущений поборами новой власти). А ещё неотступней просили выдать настоящее боевое оружие – револьверы. Так, для сторожей усадеб Воскресенской и Сменцевской волостей просили выдать по два револьвера на каждое место, заклиная, что без этого невозможно сохранить не только сами усадьбы, но и жизнь их охраны.

Что могло уцелеть при такой массовой разнузданности нравов? Относительно счастливым исключением явились лишь усадьбы Шишкино, Артемьево и Знаменское. Но даже и их парки немало пострадали, и ко времени прекращения бесчинств дошли более фрагментарно, чем целостно. И сегодня благородные деревья-долгожители – это большая редкость. Чаще всего это, опять же, остатки барских насаждений. Например, это пихты одного из шереметевских кордонов возле Улеймы в угличском правобережье или ещё более древние пихты в мышкинском Фоминском. А встретившиеся заозерцам стародавние вязы воспринимаются неким счастливым исключением.

Можно ли сегодня сохранять такие природные редкости для потомков? Теоретически – да! Хотя жуткая бумажная тягомотина с включением в число официально признанных памятников природы – это очень долго преодолеваемое препятствие. Но разве не так всё происходит у нас в России в сфере охраны культуры и охраны природы? Другого пути просто нет.

Владимир ГРЕЧУХИН

«Угличанин» №36 (591) от 12.09.2018 года

{jcomments on}{loadposition yandex-kнопка}